

НА ХУТОРЕ ПУХЛЯКОВСКОМ

НЕСТРОЙНО протянулись хуторские дома вдоль долгой и широкой улицы. Одни застыли у курганных подножий, дворы других придвинулись к самому Дону. И этот дотоп под аккуратной кровлей схож с соседними. Старой хозяйки его уже нет в живых. Но пухляковцы помнят ее, помнят, как в одну из голодных военных маслениц затеяла та женщина блины. Мукой разжился сын — полицай. У нечи и застали ее наши солдаты, посланные в хутор с разведкой. Хозяйка усадила гостей за стол. Подала им жаром исходящую горку блинов. Не пожадела и сметаны. А сама, таясь, усадила меньшого внука в соседнюю станицу за немцами...

Сидя однажды в неспешной мужской беседе на берегу, Анатолий Вениаминович Калинин увидел, как рядом пристала лодка. Из нее нелегко выбралась старая казачка. Натужно потянула она вверх большую вязанку хвороста. Оступилась, уронила пошу. Калинин бросился помогать. Мужчины укорили — зачем ты, мол, ведь это ОНА. И рассказали о преступлении, что неискупно несут за собой все годы эта женщина...

Через много лет написана была Калининным повесть «Эхо войны» — книга о матери, которая, подобно зверю, защищая свое дитя, не щадит другое. О справедливой жестокой каре, постигшей ее.

...В тихом хуторе Пухляковском писатель Анатолий Калинин навсегда поселился сразу после войны. На Дону прошли его детство и молодость. Не отпуская от себя скупая красота берегов этих.

В Пухляковском и соседних недалеких станицах живут герои его очерков, рассказов, повестей и романов. Хуторяне знают их по именам и в лицо.

Охотно рассказывают, кто такая Лушилиха и где, в какой станице свершилась та накаленная драма, что по-житейски верно описана их земляком в книге «Возврата нет».

Но не лишь событийной и портретной достоверностью замечательны произведения Анатолия Калининна. Столь любимы они народом, с упоением читаются потому, что все эти люди — и Антонина Каширина, которая под носом у фашистского начальства прятала и выхаживала раненого советского лейтенанта, и Наташа, отдавшая первую, пусть наивную, детскую еще любовь американскому пилантству, и Клавдия Пухлякова — равная мать своему ребенку и чужому, да и цыган Будулай, — каждый из них встретится вам на разных берегах — на Оке и Днепре, Двине и Амуре...

— Пчела далеко летит за своим вянком. С разных цветов несет она нектар в улей. И не знает, каков он будет — будущий мед. Без пухляковского берега мне трудно было бы работать. Но к нему причалило и многое из того, что знал я прежде, чему учился до войны и на войне...

На одной из военных дорог нашел писатель раздавленную немецкими танками цыганскую кибитку. Возле нее лежала убитая женщина... А потом в мирное уже время пристал как-то к хутору кузнец Иван Васильевич Андреев. Желю его звали Галей. Андреев любил рассказывать, как сестра ее танцевала с бубном вокруг огня. От брата Ивана Васильевича — Будулая взялось имя будущему герою.

— «Цыган» дорог мне не тем, что принес, пожалуй, большую популярность, чем остальные книги. Мне очень дорог сам Будулай — человек, реально не существующий, во многом придуманный и вместе с тем

соединивший в себе черты разных моих друзей. Впервые к «Цыгану» прикоснулся я в пьесе. Она до сих пор лежит в столе. Потом была поэма. То же, на мой взгляд, неудачная. А спустя годы — повесть. Не думал, что у нее может быть продолжение. Но приходили письма, люди настойчиво добивались, что же будет дальше... А теперь уж мне кажется, что и живет Будулай где-то на свете...

...Когда с катера сошла я на мостки Пухляковской пристани и потом ехала вдоль главной улицы, вдруг показалось, что я была уже здесь когда-то и давно знаю эту асфальтовую дорогу, пыльные сады вдоль нее, где, покойно откинувшись на слезы, сплет виноград. И совсем знакомой была зеленая калитка, каменное крыльцо, дом с мезонином...

Нет, в Пухляковском, в гостях у Анатолия Вениаминовича Калининна я впервые. Но задолго до приезда сюда повесть «Суровое поле» рассказала мне, как далеко с верхнего балкона видится Задонье, вербный заросший остров; что у широкого окна стоит стол со свечами, книгами и стопками бумаги. А по повести «Гремите, колокола!» узнавалась прохладная садовая беседка, ветхая веранда, где долго и после отъезда Наташи берегались ее пластинки...

Отсюда, из этого дома, уходили к людям «Цыган» и «Эхо войны», «Суровое поле» и «Лунные ночи», «Запретная зона» и «Возврата нет»...

В жаркие месяцы семья Ка-

лининных — Анатолий Вениаминович, жена его Александра Юлиановна и внучка Наташа уезжают в Пензу. Подолгу живут они здесь, у истоков веселой речки Хопер, в полевом вагончике. До осени гостят у доброго Сада — зрителя колхозного сада...

В повестях «Суровое поле», «Лунные ночи», в очерках «Не для себя» встречается нам деятельный районный хозяин, разумный, справедливый руководитель — Ермин. За образом этим стоит прежний секретарь Раздорского райкома партии Лев Борисович Ермин, давний друг писателя. Анатолий Вениаминович долго и горячо говорит о нем, о тех нужных стране, важных хозяйственных переменах, которые с пользой вводит сейчас А. Б. Ермин — первый секретарь Пензенского обкома партии на своих нечерноземных землях. И, быть может, здесь, под Пензой, рождается новая книга...

К крыльцу Анатолия Калининна приходят люди с малыми и большими бедами, с пустячной и горькой обидой. Не ладится в пекарне выпечка хлеба, ссора в доме, крышу перестелить надо, пенсию выхлопотать... И не было случая, чтобы не помог Анатолий Вениаминович, не выслушал, не разобрался.

...Вечером, когда спала жара, повел меня Анатолий Вениаминович той любимой своей дорогой, что начинается по-над Доном и через вербную рощу уходит в станицу Раздорскую. До-

рогой этой писатель часто ведет и своих героев. Чуть поодаль здесь и вправду, нахохлившись под чакановой крышей, стоит сторожка. Помните, в «Суровом поле» Михайлов, укравшись от дождя, встретил в этой сторожке агронома Кольцова, услышал исповедь его запретной любви...

Анатолий Вениаминович рассказывает, как хорошо было здесь еще несколько лет назад, как плотно сплетались тогда над тобой ветви, а на землю от листьев ложились кружевные разводы. А сколько пело разных птиц! Теперь же поредела вербная кайма. В праздных своих забавах вырубали, поскигали деревья туристы-рыболовы. Говорил еще мне писатель, что рядом, на пологих курганах, которые грядой протянулись вдоль всего хутора, издревле сажали казаки родимую лозу. С берегов Сены, Рейна и Дуная завезли ее сюда еще солдаты Суворова и Кутузова. Последняя война частью оголила склоны, а потом нерадивое колхозное начальство вообще загубило виноградники. Опустили плодоносные склоны. На золотой земле этой разные ведомства вдруг задумали ставить палатки и домики «базы отдыха».

«Но почему же под базы отдыха отдавать ту самую землю, где так плодоносила виноградная лоза, землю, которую никакой другой не заменишь? Почему на берегу Дона не оборудовать базы отдыха там, где никогда не рос, не растет и не будет расти виноград?.. Таких мест на Дону много — и не менее красивых, даже поэтических», — выступая в «Правде» со статьей «Земля и гроздь», говорил Анатолий Калинин.

Писатель защищает природу от тех, кто не только сам издается над реками, лугами и рощами, но и детей учит быть нещадными к ним. Пером, депутатским словом Калинин отстаивал курганы. Сейчас добивается он, чтобы объявили эту землю заповедной. Придут сюда, тракторы, освободят пахоту от полей, чабреца и прочей травы, а люди высадят нежную лозу. Так будет. «Зря Калинин не обещает, — заверяли меня пухляковцы и договаривали: — Как бы жили без таких людей...»

И. БРЯНСКАЯ
ХУТОР ПУХЛЯКОВСКИЙ —
МОСКВА

Лит. Россия 1984, № 33, 16 стр.